

Ван Линь

**КАЗЕННО-ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ 1950-1960-Х ГГ. В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ
КНИГИ "КРУТОЙ МАРШРУТ" Е. С. ГИНЗБУРГ**

В статье рассматривается книга воспоминаний Е. С. Гинзбург "Крутой маршрут" в контексте так называемой лагерной литературы, авторы которой с разной степенью достоверности отображали в своих книгах собственный трагический опыт пребывания в сталинских застенках. Специфика автобиографического романа Е. С. Гинзбург состоит в том, что в нем парадоксальным образом совмещаются и свойства, характерные для казенно-официальной "антикультовой" прозы, и черты, присущие диссидентской литературе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 17-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**LOCAL AUTHORITIES AS AN OBJECT OF JOURNALISTIC PROPAGANDA
(BY THE EXAMPLE OF THE KOMI REPUBLIC)**

Beshkarev Aleksei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
beshi@mail.ru

The article examines the methods to propagate local authorities (in the person of the Head of the Republic and the Chairman of the State Council) in the Komi Republic in the period preceding the elections to the State Council and detention of Republican government. The author concludes that the image of power evolved due to the political situation development and in the crucial period of pre-election campaign the images of the Head of the Republic and Chairman of the State Council were based on such stereotypes as “the fighter”, “strong hand” and “good old boy”.

Key words and phrases: propaganda; image of power; regional media; Komi Republic; manipulative techniques; promotion.

УДК 82-312.6

В статье рассматривается книга воспоминаний Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут» в контексте так называемой лагерной литературы, авторы которой с разной степенью достоверности отображали в своих книгах собственный трагический опыт пребывания в сталинских застенках. Специфика автобиографического романа Е. С. Гинзбург состоит в том, что в нем парадоксальным образом совмещаются и свойства, характерные для казенно-официальной «антикультовой» прозы, и черты, присущие диссидентской литературе.

Ключевые слова и фразы: Евгения Гинзбург; книга воспоминаний; «Крутой маршрут»; казенно-официальный дискурс; диссидентский дискурс; антикультовая литература.

Ван Линь

Санкт-Петербургский государственный университет
wanglin89@yandex.ru

**КАЗЕННО-ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ 1950-1960-Х ГГ.
В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ КНИГИ «КРУТОЙ МАРШРУТ» Е. С. ГИНЗБУРГ**

Рассмотрение сегодня литературы, раскрывающей проблемы периода культа личности – попытка заполнить лакуны в осмыслении времени, когда с ведома и по приказу официальных властей попиралось человеческое достоинство, унижалось человеческое в человеке. В настоящий момент, когда гуманизация стала частью официальной политики государства, необходимо вернуться к литературе, описывающей события периода культа личности И. Сталина, и по-новому взглянуть на неё.

В современной филологии рассмотрением лагерной прозы занимаются Д. А. Ардамацкая [2], С. С. Бойко [3], А. О. Большев [4], С. О. Левченко [7], А. Ю. Минералов [8], Е. Михайлик [9], А. В. Сафронов [10], Э. А. Синбаригова [12], Л. С. Старикова [13], Б. Н. Юмдылыкова [14] и др. Однако книга воспоминаний Е. Гинзбург «Крутой маршрут» попадает в поле интереса исследователей достаточно редко. Несмотря на огромную и заслуженную популярность этой книги, она до сих пор так и не стала объектом серьезного исследования. Большинство авторов научных статей и монографий, посвященных лагерной прозе, ограничиваются лишь краткими комментариями, касающимися «Крутого маршрута».

Цель статьи – рассмотреть в контексте лагерной прозы книгу воспоминаний Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут» и определить специфику отражения в ней казенно-официальных идеологем 1950-60-х гг.

В ряду лагерных текстов прежде всего можно выделить «антикультовые» произведения советской литературы 1960-х гг., в которых была развернута критика культа личности Сталина, соответствующая официальным идеологическим рамкам, очерченным выступлениями Н. С. Хрущева на XX и XXII съездах КПСС: «Пережитое» Б. Дьякова, «Самородок» Г. Шелеста, «Барельеф на скале» А. Алдан-Семенова и др. Основные герои этих сочинений – кристально честные коммунисты, ставшие невинными жертвами сталинского беззакония. Пребывание в лагерях становится тяжелым испытанием для их веры в коммунистические принципы и идеалы, и они с честью выдерживают эту суровую проверку на прочность.

Так, например, герой поэмы Е. Евтушенко «Братская ГЭС» (1964) коммунист Карцев вынес все побои и пытки в застенках НКВД, с гордостью называя себя большевиком:

Когда меня пытали эти суки,
и били в морду, и ломали руки,
и делали со мной такие штуки,
не повернется рассказать язык!
и покупали: «Как насчет рюмашки!»
и мне совали подлые бумажки,
то я одно хрипел: «Я большевик!» [6, с. 35].

Точно так же не знал сомнений и колебаний коммунист Серпилин, герой романа К. Симонова «Живые и мертвые» (1959), ставший, как и Карцев, невинной жертвой сталинских репрессий: «В конце концов ему дали, в сущности без суда, десять лет. <...> Время заключения в сознании Серпилина было прежде всего бездарно потерянным временем. Вспоминая теперь, на войне, эти пропавшие четыре года, он скрипел от досады зубами. Но за все эти четыре года он ни разу не обвинил Советскую власть в том, что с ним было сделано: он считал это чудовищным недоразумением, ошибкой, глупостью. А коммунизм был и оставался для него святым и незапятнанным делом» [11, с. 33]. Аналогичным образом рассуждает в колымском лагере бывший секретарь горкома партии Петраков, герой повести А. Алдан-Семенова «Барельеф на скале» (1964): «... Несмотря на все, мы не чувствуем обиды на партию и советскую власть. <...> Было бы странно, если бы мы обзиделись. Было бы страшно, если бы мы потеряли веру в партию, в ее ленинский дух» [1].

Иначе дело обстоит в таких произведениях, как «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, которые принадлежат к так называемой диссидентской литературе. Их герои в тюрьмах и лагерях окончательно и бесповоротно порывают с коммунистической идеологией, обретая совсем иные взгляды.

Особенностью книги воспоминаний Е. Гинзбург «Крутой маршрут», которая выделяет данное произведение из круга подобных, является парадоксальное сочетание в нем черт, характерных казенно-официальной «антикультовой» прозе и присущих литературе диссидентского плана. Перед нами, с одной стороны, история о настоящей коммунистке, которая, преодолев все испытания, не изменила вере в революционно-коммунистические идеалы, а с другой, – рассказ о том, как ортодоксальная партийная коммунистка постепенно освобождается от груза прежних идеологических предрассудков, трансформируясь в полноценную, мыслящую и одухотворенную личность.

Как же можно объяснить природу этой парадоксальной двойственности? Прежде всего напрашивается предположение о том, что причиной является фактор цензуры. Возможно, Е. Гинзбург стремилась опубликовать свое исповедально-автобиографическое произведение в СССР, вследствие чего, естественно, сделала все возможное для того, чтобы адаптировать текст к требованиям советской идеологической цензуры – отсюда и педалирование приверженности главной героини коммунистическим идеалам. Подобная версия представляется вполне резонной. Некоторые авторские комментарии и в самом деле носят почти демонстративно комплиментарный по отношению к партийному официозу хрущевских времен характер: «В нашей партии, в нашей стране снова царит великая ленинская правда» [5, с. 9]. Однако внимательный анализ текста убеждает, что подобных конъюнктурных реверансов в сторону цензуры в тексте «Крутого маршрута» сравнительно немного. Есть все основания полагать, что содержащиеся в произведении восторженные оды в честь революции и признания в любви к коммунистической партии носили искренний характер.

Специфика исповедального текста Е. Гинзбург состоит в его противоречивости, эклектичности, совмещении разнородных начал: казенно-официальная критика «культы личности» Сталина, апология большевиков-ленинцев и коммунистической революции сочетаются с трезвым и глубоким анализом ущербности ортодоксально-коммунистической ментальности.

Думается, что в поисках ответа на вопрос о природе идейно-концептуальной противоречивости автобиографического повествования Е. Гинзбург следует обратиться к изучению особенностей так называемого диссидентского (или конфронтационно-невротического) дискурса. Анализ диссидентской литературы посвящено исследование А. Большева «Наука ненависти» [4]. Как указывает А. Большев, важнейшими регуляторами деятельности советских диссидентов в 1960-1980-е гг. стали «постижение индивидами на бессознательном уровне своей соприродности злу и яростно-агрессивное вытеснение этой неприятной истины» [Там же, с. 31]. Исследователь указывает, что «в большинстве своем советские диссиденты были людьми, выросшими в атмосфере тоталитарной государственности», «многие из них в годы детства и молодости разделяли коммунистические иллюзии, а к Сталину и Ленину относились с обожанием, переходящим в молитвенный экстаз» [Там же]. По наблюдению А. Большева, большинству диссидентских текстов присуща идейно-концептуальная неоднородность: «они зачастую строятся на перебоях обличения и покаяния» [Там же, с. 104]. Дискурс лагерной прозы – художественный анализ мятущейся души, которая в муках освобождается от тоталитарного дурмана. Освобождаясь, она не может сразу принять на себя страшный груз ответственности за невольное соучастие в зле – зрелище собственного греха слишком ужасно, поэтому неизбежным оказывается вытеснение очень многого в бессознательное. Абсолютно естественным представляется стремление индивида основную часть ответственности возложить на некие дьявольские силы, ввергнувшие страну в тоталитарный кошмар – между тем как содержащиеся в исповедальном тексте факты и невольные признания убеждают читателя в том, что режим вырос из ментальности, носителями которой были миллионы, включая и автора текста [Там же, с. 105]. Думается, данную характеристику в какой-то мере можно отнести и к «Крутому маршруту».

Книга «Крутой маршрут» начала создаваться в годы «оттепели», под влиянием критики «культы личности», развернутой Н. Хрущевым на XX съезде КПСС. И авторский комментарий в начале текста недвусмысленно настраивает читателя именно на такую – «антикультовую» волну восприятия: «В нашей партии, в нашей стране снова царит великая ленинская правда. Уже сегодня можно рассказать людям о том, что было, чего больше никогда не будет. И вот они – воспоминания рядовой коммунистки. Хроника времен культа личности» [5, с. 9]. Идейно-концептуальной основой произведения является та трактовка «культы личности Сталина», которую изложил в своем февральском ночном докладе Хрущев.

Потрясающий советское общество террор конца 30-х годов в знаменитом докладе Хрущёва был мотивирован единственно личными качествами тирана, «отрицательными чертами» его характера, злоупотреблениями безграничной властью. Надо признать, что Е. С. Гинзбург во многом следует именно этой концепции.

Лейтмотивом «Крутого маршрута» является мысль о том, что террор второй половины 1930-х годов был обусловлен личными качествами Сталина. Главная героиня произведения, правоверная молодая коммунистка Евгения Гинзбург не сомневается в истинности коммунистических ценностей и идеалов и является типичной представительницей правящей политической элиты. Подобно тысячам других членов партийного руководства, она восприняла начало Большого террора как чудовищную провокацию, измену делу революции. Некоторое время героиня не может поверить в то, что вдохновителем и организатором террора является сам Сталин. В произведении показано, как постепенно, под влиянием происходящих событий, а главным же образом под влиянием разъяснений со стороны старших и более опытных товарищей, героиня прозревает и осознает роковую роль «идола века» Сталина в творящемся разгуле беззакония.

Поначалу, подобно многим другим коммунистам, Евгения полагает, что стала жертвой какой-то ошибки, которая вскоре будет исправлена. Ее наивность очевидна даже для простых людей – вроде пожилой Авдотьи Васильевны, которая пытается убедить героиню уехать куда-нибудь в глушь и скрыться, не дожидаясь ареста:

- Евгенья-голубчик... <...> До бога высоко, до Сталина – далеко...
- Нет, что ты, что ты... Умру, а докажу! В Москву поеду. Бороться буду...
- Эх, Евгенья-голубчик! Ума в тебе – палата, а глупости – саратовская степь [Там же, с. 26]!

Однако далее, в тюрьме и в лагере, героиня уже не может не признать правоту тех, кто возлагает всю ответственность на усатого генсека. Таков, например, сосед по тюремной камере Гарей, который «страстно ненавидел Сталина» и комментировал происходящее в СССР кратко и четко: «Коба. Восемнадцатое брюмера. Физическое истребление лучших людей партии, мешающих или могущих помешать окончательному установлению его тирании» [Там же, с. 70].

Постепенно сформировавшаяся в восприятии героини ненависть к Сталину, глубокое понимание его отрицательной роли в происходящем отнюдь не мешают ей по-прежнему боготворить революцию и коммунистические идеалы: «Ведь все, что я имела: и тысячи прочитанных книг, и воспоминания о замечательной юности, и даже вот эта выносливость, которая сейчас спасает меня, – ведь это все мне дано ею, Революцией, в которую я вошла ребенком» [Там же, с. 170].

Вполне естественно, что в этой системе ценностных ориентиров в книге «Крутой маршрут» именно коммунисты, ставшие жертвами сталинских репрессий, предстают, безусловно, лучшими людьми в стране. Ненависть чудовищного Сталина обрушилась на них как раз в силу их духовно-нравственного и интеллектуального совершенства: диктатору пришлось устранить этих беззаветных рыцарей революционно-коммунистических идеалов, ибо только в их отсутствие он мог творить свои злодейские дела. Гинзбург постоянно подчеркивает сплоченность настоящих большевиков, которые в неволе тянутся друг к другу, как по-настоящему близкие люди. Ярким примером подобной взаимной тяги является эпизод случайной встречи двух следующих по этапу лагерных колонн – мужской и женской, состоящих из коммунистов, осужденных по 58 статье:

«Огромный мужской этап, параллельный нашему, тоже тюрзаковский, из Верхнеуральского политизолятора. Тоже одиночки. Тоже в основном коммунисты. Мужчины, НАШИ мужчины! <...>

- Вдруг кто-то из мужчин наконец заметил нас:
- Женщины! НАШИ женщины!

Я не умею описать того, что произошло потом. Не нахожу слов. <...> Теперь и мы, и они кричали и протягивали друг другу руки. Почти все плакали вслух» [Там же, с. 312].

Очевидно, что только смерть Сталина могла принести и героине, и всей стране в целом освобождение и избавление от мук. Так и происходит. Закономерным образом именно сталинская смерть оказывается одним из ключевых кульминационных эпизодов произведения: «Каюсь: я рыдала не только над монументальной исторической трагедией, но прежде всего над собой. Что сделал этот человек со мной, с моей душой, с моими детьми, с моей мамой...» [Там же, с. 757].

Как видим, в концепции произведения все несчастья Евгении Гинзбург и многих миллионов честных советских людей всецело обусловлены злой и преступной волей одного человека. Разумеется, сразу после его смерти все волшебным образом преобразуется, беды остаются позади, начинается новая светлая жизнь.

Содержащаяся в «Крутом маршруте» трактовка исторических событий XX века не может не вызвать у современного читателя целый ряд вопросов. Прежде всего возникает вопрос относительно вышеупомянутой апологии большевиков-ленинцев, которые предстают в произведении Гинзбург воистину безупречными рыцарями без страха и упрека, именно своим совершенством навлекшими на себя ненависть диктатора-злодея. Между тем не следует забывать, что речь идет о членах большевистской партии, двумя десятилетиями ранее подготовивших и осуществивших в стране кровавый революционный переворот, в ходе которого они с невероятной, неслыханной жестокостью физически уничтожили несколько миллионов российских граждан, представителей различных сословий. А позже, уже в начале 1930-х годов, эти же большевики осуществили кровавую модернизацию деревни, так называемую коллективизацию, жертвами которой также стали миллионы крестьян.

И если опираться на исторические факты, то придется признать, что воспеваемые в «Крутом маршруте» большевики, ставшие жертвами сталинских репрессий, были в большинстве своем скорее не рыцарями, но слепыми и безжалостными фанатиками. И в этой связи представляются небезынтересными исторические гипотезы, с точки зрения которых уничтожение этих людей накануне Великой Отечественной войны, возможно, было продиктовано не только волей тирана Сталина (а в сталинской жестокости вряд ли можно усомниться), но также и объективной логикой исторического процесса.

Итак, книга воспоминаний Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут» занимает особое место в литературе второй половины XX века, посвященной лагерной теме и раскрывающей вопросы развенчивания культа личности Сталина. Специфика данного произведения в том, что в нём парадоксально сочетаются и свойства, характерные

для казенно-официальной «антикультовой» прозы (негативная оценка личности Сталина и его роли в организации репрессий, при этом уверенность в общей правильности коммунистического курса), и черты, присущие диссидентской литературе (глубокий художественно-философский анализ изображаемых процессов и явлений).

Список литературы

1. Алдан-Семенов А. Барельеф на скале [Электронный ресурс]. URL: <http://az-libr.ru/index.htm?Persons&000/Src/0010/2276c167> (дата обращения: 21.04.2016).
2. Ардамацкая Д. А. Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГА // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 137-143.
3. Бойко С. С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа // Новый филологический вестник. 2015. № 3 (34). С. 65-81.
4. Большев А. О. Наука ненависти. Очерки о конфронтационно-невротической ментальности. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2012. 192 с.
5. Гинзбург Е. Крутой маршрут. М.: Изд-во АСТ, 2015. 880 с.
6. Евтушенко Е. Братская ГЭС. М.: Молодая гвардия, 1990. 35 с.
7. Левченко С. О. Критика классической эстетики в «Колымских рассказах» В. Шаламова (на примере рассказа «Боль») // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2013. № 3. С. 67-71.
8. Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 106-112.
9. Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 356-375.
10. Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2013. № 3 (40). С. 139-154.
11. Симонов К. Живые и мертвые. Трилогия. М.: Худ. лит., 1989. 508 с.
12. Синбаригова Э. А. Художественное осмысление «лагерной темы» и преломление традиций «лагерной прозы» в романе Канты Ибрагимова «Прошедшие войны» // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2015. Т. 5. № 4 (12). С. 17-21.
13. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4 (62). С. 169-174.
14. Юмдылыкова Б. Н. Концепция смерти в «лагерной» прозе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2007. № 4. С. 75-81.

OFFICIAL IDEOLOGEMES OF THE 1950-1960S IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE BOOK BY Y. S. GINZBURG “JOURNEY INTO THE WHIRLWIND”

Wang Lin

*Saint Petersburg University
wanglin89@yandex.ru*

The article examines the memoirs by Y. S. Ginzburg “Journey into the Whirlwind” in the context of the so called “prison camp literature” the authors of which with different reliability level depicted in their books their personal tragic experience of staying in Stalin’s torture chamber. The originality of Y. S. Ginzburg’s autobiographical novel lies in the fact that it paradoxically combines the features typical for the official “anti-cultic” prose and the features characteristic for dissident literature.

Key words and phrases: Yevgenia Ginzburg; memoirs; “Journey into the Whirlwind”; official discourse; dissident discourse; anti-cultic literature.

УДК 82:801.6; 398:801.6

В статье рассматривается функционирование фольклорной традиции в прозе И. А. Бунина. Объектом исследования выступает ранний рассказ «На край света». Проводятся параллели с традициями русского фольклора, погребальной и заговорной обрядностью; извлечение архетипического смысла текста позволяет иначе взглянуть на психологию поведения героев.

Ключевые слова и фразы: миф; фольклор; литература; Бунин; архетип; танатос; семантика цвета.

Дударева Марианна Андреевна

*Московский финансово-юридический университет
marianna.galieva@yandex.ru*

МОРТАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ И. А. БУНИНА «НА КРАЙ СВЕТА»: ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭСТЕТИКА

Танатология в России зародилась не так давно – в 70-е гг. XX века. Серьезные литературоведческие танатологии стали появляться лишь в 90-е гг. XX века и посвящены они преимущественно поэтике М. Ю. Лермонтова [8], А. С. Пушкина [5; 15], Л. Н. Толстого [16], А. Платонова [4; 9]. Исследователи главным образом обращаются